

Цянь Ху никак не мог позволить им просто так уйти! Если они сейчас разойдутся, как потом общаться? Он поспешно преградил им путь:

— Нет-нет, вы что! Парень просто ляпнул не подумав, я его потом проучу! Разве это было сказано в ваш адрес? И уж точно не в адрес учителя Юня! Не сердитесь, пожалуйста, не сердитесь!

Цянь Жуй еще не понял, что Бо Сун по-настоящему разозлился, и продолжал подливать масла в огонь:

— Дядя Бо Сун, вы просто не знаете, что он за человек! Он... он... в общем, нельзя вам с такими дружить!

Юнь Цюцзэ глубоко вздохнул и произнес:

— Цянь Жуй, мы когда-то были однокурсниками и коллегами, не находишь, что твои слова — это уже перебор? Какой я человек? Объясни мне толком: я убивал, грабил, кого-то обманул? Я что, вирус какой-то?

— Ты сам прекрасно знаешь, кто ты такой! — не задумываясь, выпалил Цянь Жуй.

— Ах ты щенок! Еще слово — и я тебя приблю! Убирайся, марш отсюда, иди подумай над своим поведением! — Цянь Ху понимал, что если сын останется, то наговорит еще больших гадостей. Ссориться с Бо Суном было невыгодно: тот работал в сфере, связанной с ресторанным бизнесом, и в будущем наверняка мог понадобится. Разрыв отношений был бы крайне неразумным.

— Ох, ну и каша заварилась... Цюцзэ, Бо Сун, садитесь, пожалуйста! Мы сегодня обязаны пообедать вместе! Посмотрим, кто еще посмеет открыть рот!

— Простите, брат Цянь, я плохо себя чувствую, хочу уйти, — Юнь Цюцзэ ощутил себя сдувшимся шариком. Гнев исчез, оставив лишь изматывающую, глубинную усталость.

Когда он увидел Цянь Жуя — человека, из-за которого его когда-то травили и полоскали за спиной, — первой реакцией был не гнев и не отвращение, а странный, необъяснимый страх. Он словно снова вернулся в те времена, под перекрестный огонь осуждающих взглядов родителей, учителей и яростные крики директора.

Тогда он был слишком молод, только выпустился из университета и еще не понимал, что людская молва может погубить человека. Он думал, что раз никому не мешает, то и проблем не будет. Но когда всё вскрылось, он увидел, как учителя, с которыми он был в хороших отношениях, шарахаются от него, словно от прокаженного, а добродушный директор готов вышвырнуть его за дверь в любую секунду. Только тогда он понял, что мир устроен куда сложнее, чем ему казалось.

Он вырос в детском доме. Еще в школе его дразнили безотцовщиной и подкидышем. Он думал, что это самые страшные слова в его жизни, что его нервы уже стали стальными и он сможет спокойно перенести любые оскорбления.

Комплекс неполноценности, преследовавший его с детства, заставлял его усердно учиться и много работать, чтобы заслужить хоть крупицу уважения. Ему казалось, что он наконец стал как все, что может ходить с гордо поднятой головой. Он верил, что привык ко всему и больше ничто не сможет его задеть.

Оказалось, он ошибался. Когда так называемые друзья и братья начали тыкать в него пальцем, детский страх вернулся, впившись в кости. А вместе с ним пришло и глубокое чувство собственной никчемности, из которого он не мог выбраться.

Никто не знал лучше него, каково это — когда тебя проклинаят до седьмого колена.

Он боялся услышать из уст Цянь Жуя то самое: ты мерзкий гомосексуалист. Но еще больше он боялся опозориться перед Бо Суном. И второе пугало его куда сильнее.

Когда я говорю, что ты мне нравишься, это значит, что с этого момента у тебя появляется власть причинить мне боль.

Так вот что это за чувство. Оказывается, он уже давно, сам того не заметив, полюбил Бо Суна.

Юнь Цюцзэ подумал, что это как нельзя лучше подходит под фразу: подлецы вечно притворяются жертвами.

— Я провожу тебя, — Бо Сун ободряюще приобнял его за плечи, подхватил куртку со стула, и они направились к выходу.

Цянь Ху пытался их удержать, одновременно грозно глядя на сына. И тут Юнь Цюцзэ понял, что беда не приходит одна.

Их суп уже был готов. Официант как раз нес его, когда они препирались у выхода. В суматохе кто-то задел поднос, и вся миска горячего супа выплеснулась прямо на Юнь Цюцзэ. Он оказался с головы до ног залит липкой жидкостью.

К счастью, суп успел немного остыть, так что Юнь Цюцзэ отделался лишь позором, а не ожогами лица.

В кабинке воцарилась тишина. Бо Сун первым пришел в себя, схватил салфетки и начал его вытирать:

— Ты в порядке? Не обжегся? Где-нибудь болит?

Юнь Цюцзэ покачал головой:

— Хочу домой.

— Хорошо, я отвезу тебя, — Бо Сун с трудом очистил его лицо и волосы, затем накинул на него свою куртку, чтобы скрыть пятна на одежде: — Едем немедленно.

Вернувшись домой, Юнь Цюцзэ принял душ и рухнул на кровать. Бо Суна он выпроводил — видеть его было слишком больно. Лежа на животе, Юнь Цюцзэ отправил сообщение Лю Нину: Я умираю.

Лю Нин, верный домашний помощник, тут же купил кучу любимой еды Юнь Цюцзэ и примчался к нему, даже отменив поход в кино с Лю Фанфан.

Едва он вошел и толкнул дверь, как в него прилетела подушка.

— Проваливай, кто тебя звал?

— Я боялся, что ты помрешь, и некому будет тебя хоронить! Что случилось? Еще не вечер, чего ты в душ полез? — Лю Нин с виноватой улыбкой прошел в комнату и поставил пакеты на стол.

Квартира Юнь Цюцзэ была арендованной: крошечная однушка, где в стену упираешься, едва повернувшись, а аренда съедала половину зарплаты. У Лю Нина был свой ключ, он часто заходил оставить продукты и уходил.

— Если бы тебя с ног до головы облили грибным супом, ты бы тоже в душ полез! Я сегодня опозорился на весь белый свет. — Юнь Цюцзэ сжался в комок на стуле, подтянув колени к подбородку, и выглядел крайне жалко.

— Что?! Тебя облили супом? Как это вышло? Дай погляжу, у тебя же единственное, что стоит денег — это твое лицо! Есть ожоги? — Лю Нин подскочил к нему и начал вертеть его голову.

— ...Не разговаривай со мной, мы больше не друзья, прощай.

— Ну чего ты! Что случилось-то, почему прощай?

Юнь Цюцзэ опустил ноги и начал тереться лицом об стол:

— Это всё твоя вина! Если бы ты не потащил Фанфан в тот ресторан, я бы тебя не встретил. Если бы вы не устроили балаган, Бо Сун не повел бы меня обедать. Если бы я не пошел с ним, не встретил бы Цянь Жуя и не опозорился бы. Короче, во всем виноват ты!

— Ну как так можно считать? Посмотри на это с другой стороны... Погоди, ты встретил Цянь

Жуя?

Юнь Цюцзэ проигнорировал его:

— Думаю, я достиг самого дна в графике своей удачи. Это конец.

— Не будь таким пессимистом, малыш! Раз это дно графика, значит, скоро всё пойдет на взлет!

Юнь Цюцзэ швырнул в него куском сахара:

— Прощай! Вали!

— Да не кипятись! Из-за чего такая драма? Неужели наши десять лет дружбы значат меньше, чем какой-то мужик, с которым ты знаком пару месяцев? Это... это типа любовь? Ну нельзя же так, правда!

Юнь Цюцзэ схватил тяжелую стеклянную пепельницу, собираясь запустить ею в голову друга. Лю Нин понял, что всё серьезно. Эту пепельницу он сам подарил ему в университете, вещь была увесистая — если прилетит, мало не покажется.

— Эй, эй! Спокойно! Остынь! — Лю Нин отскочил на три метра: — Нельзя же убивать человека из-за такой ерунды!

Юнь Цюцзэ тоже понял, что переборщил, и вместо пепельницы швырнул пульт от телевизора, который с грохотом врезался в стену за спиной Лю Нина.

— Ох, мамочки, ты реально хочешь моей смерти?

Юнь Цюцзэ молчал. Лю Нин, дрожа от страха, осторожно подошел ближе:

— Ну что, ты успокоился?

— Лю Нин, поцелуй меня, — внезапно сказал Юнь Цюцзэ.

Лю Нин опешил:

— Что ты сказал?

— Ты же говорил, что мы не разлей вода? Если так, поцелуй меня. — Юнь Цюцзэ повторил это с полной серьезностью.

Лю Нин в ужасе приложил ладонь к его лбу:

— Ты в порядке, малыш? У тебя что, крыша поехала? Не пугай меня!

— Поцелуй меня, от тебя убудет? Я что, такой уродливый?

— Дело не в том, красивый ты или нет, просто ты сегодня ведешь себя крайне странно. — Лю Нин заикался от испуга. Девчонки могут обниматься и целоваться, это нормально, но два взрослых мужика? Юнь Цюцзэ, конечно, красавчик, но целовать его... это было как-то нелепо.

Юнь Цюцзэ задрал подбородок:

— Если ты не поцелуешь, значит, ты меня дискриминируешь. Думаешь, что я заразный? Целуешь или нет?

— Ох, предок мой, давай без этого, прошу тебя! Мне от этого жутко, правда! Я... я не могу, серьезно! — у Лю Нина дрожали коленки. Раньше за ним такого не водилось, что с ним сегодня? Суп мозги проел?

Юнь Цюцзэ подался вперед, смысл его действий был очевиден.

Лю Нин понял, что если не согласится, то живым не выйдет, и, зажмурившись, чмокнул его в щеку. Подумаешь, кожа к коже! За четыре года в университете они и не так сталкивались!

Юнь Цюцзэ указал на свои губы:

— Не в щеку, в губы.

Лю Нин окончательно сдался:

— Сяо Цю, пощади! Мы друзья, но не до такой же степени! Я тебя не люблю, как я могу тебя поцеловать? Даже если ты считаешь, что я тебя дискриминирую — не могу, и всё тут! Ты меня пугаешь!

— Правда не можешь?

— Сам же видишь.

Юнь Цюцзэ с глухим стуком уронил голову на стол:

— Ну да. Столько лет дружбы, а поцеловать мужика всё равно сложно. Но...

Но почему Бо Сун смог сделать это так легко? Их дружба точно была не такой долгой, как с Лю Нином. Неужели только потому, что они не были так близки, он смог это сделать?

Лю Нин, услышав это «но», решил, что друг всё еще переживает из-за шутки Лю Фанфан, и погладил его по голове:

— Да это была просто шутка! Знаю, что этот парень тебе нравится, но это была случайность. Не бери в голову, не будь бабой.

— Я и так не мужик. И вообще, кто сказал, что я из-за этого расстроен? — Юнь Цюцзэ, не поднимая головы, показал другу средний палец. Если бы дело было только в этом, он бы не злился.

— Не из-за этого... Мать моя, неужели ты еще с кем-то замутил? У тебя появился кто-то новый, а ты мне не сказал?

— Хватит додумывать! Кто тебе сказал, что у меня кто-то есть?

— Ну так объясни нормально! Ты меня так изведешь, у меня сердце не выдержит, — Лю Нин драматично потер грудь. Его постоянно изводили то Фанфан, то Цюцзэ — один мужик в юбке, другой — не совсем мужик. Вдвоем они его точно доконают.

Он слишком хорошо знал Юнь Цюцзэ. Тот не носил вызывающей одежды, не жеманился и не говорил писклявым голосом, как в сериалах. Но он был помешан на чистоте больше любого другого парня, следил за внешностью, мог три дня страдать из-за неудачно подстриженного ногтя.

Внешность — это одно, но его мысли и чувства были тоньше, чем у кого-либо, даже тоньше, чем у Лю Фанфан. Иногда он мог часами обдумывать случайное слово, не зная, когда оно успело нанести ему рану.

Он казался открытым, но в глубине души был полон комплексов. Каждый раз, вступая в отношения, он невольно чувствовал себя хуже других. Хотя на самом деле это было не так — просто он сам никак не мог преодолеть этот барьер.

<http://bllate.org/book/19777/1948644>